

ЕКА Бенхай у 17-й параллели, по которой прошла в 1954 году временная демаркационная линия, разделила надвое единый вьетнамский народ, имеющий один язык, одну историю, одну культуру.

Клика сайгонских милитаристов, поддерживаемая американскими штыками, установила в подконтрольных ей районах жесточайшую цензуру. По количеству запрещенных, штрафуемых и конфискуемых изданий марионеточное южновьетнамское государство не имеет себе равных. Вот свидетельство южновьетнамского литератора. «Написав фразу, выразив какую-нибудь мысль, — говорится в одной из сайгонских газет, — с беспокойством перечитываешь ее и думаешь, что все это могут не пропустить в цензуре. Поэтому писатель почти никогда не имеет возможности высказать то, что у него на душе. А цензура по существу всемогуща».

Но официальными запрещениями, штрафами и арестами дело не ограничивается. При благосклонном «невмешательстве» властей фашиствующие хулиганы терроризируют деятелей культуры. Сайгонская группа «Золотая заколка», поставившая истори-

К югу от 17-й параллели

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРЕ
ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

Н. НИКУЛИН

Кандидат филологических наук

ческую драму «Засыплем реку Зиань», была заподозрена в «агитации в пользу объединения страны». Из сцену бросили гранату, многие участники спектакля были убиты и ранены, тяжелое увечье получил знаменитый актер Зюи Лан.

Естественно, что в таких условиях все попытки властей создать представительную писательскую организацию наталкиваются на глухое сопротивление. Не помогает ни кнут, ни пряник — литературные премии, вокруг которых немало курьезов.

Некий литератор был увенчан премией за монографию о великом поэте Нгуен Зу, на самом деле принадлежащую перу ученого Дао Зюи Аня, который живет на Севере.

Или вот выдержки из репортажа в сайгонской газете о том, как происходило вручение литературных премий в 1966 году: «После церемонии открытия,

прошедшей чинно и благопристойно, настал момент выступать с речью господину Ви Хюйен Даку (известному драматургу. — Н. Н.), председателю жюри... Но он ничего читать не стал, а сказал перед микрофоном, что неожиданно почувствовал себя плохо, речь произносить не будет и уступает свое место другому...».

Мало кто из лауреатов является лично для получения премий, и их вручают доверенным лицам.

Официальной идеологией сайгонского режима объявлен ярый антикоммунизм, а нгодиньдьемовская партия демагогически проповедовала еще и персонализм, признающий личность первоэлементом бытия. Видимо, именно по этой причине при Нго Динь Дьеме особенно процветала литература, раболепно пресмыкающаяся перед властями. Примером спекуляции на исконной народной любви к поэзии может служить «поэма» некоего Хюинь Хыу Нгиа «Вьетнам сегодня», представляющая собой самое бессовестное славословие в честь кровавого диктатора («Небо сжалилось над народом, повелело оно звезде опуститься на бrenную землю и воплотиться в Нем»).

Активным антикоммунистическим писателем зарекомендовал себя Ван Куанг — бывший инструктор по психологической войне в военном училище, ныне шеф отдела печати в сайгонском управлении психологической войны. В своих произведениях он стремится изобразить армейскую жизнь в розовом свете. Его «Возлюбленная солдата» — первый южновьетнамский роман, переведенный и изданный в США. Ван Куанг силится доказать, «что армейская среда чище, честнее, чем изверившееся общество вне ее». Он открывает свой роман словами милитариста и поклонника Гитлера, сайгонского правителя Нгуен Као Ки: «Я не знаю партии сильнее, чем та, члены которой носят хаки». Образ главной героини романа Льеу, «воплощения желаний и сладострастия», построен явно по голливудским стандартам. Автор превозносит секс, деньги, «силу и мужество».

Сайгон наводнен антикоммунистическими романами. Ки Ван Нгуен, давший своему произведению многозначительное название «В поисках жизненного пути», восхваляет предателя, который сдался на милость врагу и изменил делу народа. В «Очаге» Тхань Тэм Туана главный герой оправдывает свое предательство по-обывательски: «Зачем нужна революция? Загнанный замученный конь может встать на дыбы, сбросить с себя седока и убежать. Но куда? Его все равно поймут и ...взнуздают снова».

Распространены экзистенциалистские идеи об абсурдности бытия.

«Жизнь бессмысленна, — заявляет журнал «Санг тао». — Куда идет человек, рожденный для страданий? К смерти. Следует признать бессцельность жизни и согласиться, что чем необычнее наше существование, тем более нам следует жить. Жить для того, чтобы нести на себе бремя бессмысленной жизни».

В поэзии распространено подражание различным упадническим школам Запада. Стихотворений о тоске, броских, но лишенных мысли, не счесть. Поэт Тхань Хоай Зианг, например, воображает себя узником в застенке Тоски, где его готовы казнить владыка Печали, воины Грусти и меч Отчаяния.

Поэт Южного Вьетнама Ву Хоанг Тхыонг доверительно поясняет читателю: «Мои стихи — молитвы. Я чувствую себя человеком далекого чистого мира, который, заблудившись, попал на эту бrenную землю, населенную призраками. Теперь я возношу молитвы богу, чтобы он скорее возвратил меня в тот, родной для меня мир».

Однако в Южном Вьетнаме немало честных литераторов, не желающих продавать свою совесть. Некоторые из них, как Тхюи Тху и Ле Винь Хоа, перешли в Освобожденные районы, другие продолжают борьбу в тяжелых условиях американско-сайгонского режима. Они создают произведения реалистического плана — очерки, рассказы, публикуемые в газетах и журналах, которые из-за этого, как сказано, часто рискуют оказаться под запретом.

Сюжет рассказа «Платье небесной голубизны» Ле Винь Хоа очень прост. Девушка Лоан из бедной семьи продает свой единственный наряд, чтобы брат мог учиться в городе. Она наивно мечтает, что, когда он выучится, он подарит ей новое, нарядное голубое платье. Но пришли враги, сожгли дом, девушка погибла. Брат узнает о происшедшем, в его душе закипает гнев и жажда мести: «Голубое любят все. Во имя твоей памяти, сестра, ради себя, ради людей я клянусь вернуть родным краям голубизну ясного неба!». Рассказам Ле Винь Хоа свойствен драматизм ситуаций, острота политических оценок.

В последнее время в литературу проникают антиамериканские настроения — прямое следствие агрессии и оккупации. Образ американца непосредственно связывается с беззакониями и несправедливостями, с голодом, коррупцией, разложением. В повести Ву Хонга «Вихрь» дается картина страшного развращающего влияния, грязных волн аморальности, которые хлынули во Вьетнам из-за океана. Рассказ «Море волнуется» из сборника Ву Зюи с красноречивым названием «Ночь за доллары» говорит о драме бедной горожанки. Муж ее тяжело болен, а найти работу можно только у американцев. Эти «веселые парни» любят пошутить с хорошенькими вьетнамками, небрежно обнять их в лифте, и «никто не смеет им сказать слова; скажешь — выгонят». Бать идет на все, чтобы прокормить себя и мужа, но заработка не хватает на лечение, и она решается на «ночь за доллары».

Другой характерный образ — вьетнамский делец, зарабатывающий деньги на позоре и горе своей родины. В большом художественном репортаже «Могущество доллара» Зунг Там рассказывает, как «бизнесмен» Чаунг становится богачом, владельцем больших современных зданий в Сайгоне. Но духовно он опустошен. Чаунг вступает на путь политиканства и находит свою гибель.

Жизнь показывает, что здоровые силы южновьетнамской литературы в районах, находящихся под пятой сайгонских правителей и американской военщины, все больше определяют содержание литературного процесса, выражая мысли и чувства широких слоев народа.

* * *

Освободительная борьба патриотов Южного Вьетнама дала жизнь прозе и поэзии, в центре внимания которой — человек-борец, отстаивающий свободу своей родной страны, осознающий в этой борьбе свои силы. В Освобожденных районах выходит специальная газета «Литература и искусство освобождения». В 1961 году была создана Ассоциация деятелей литературы и искусства Южного Вьетнама «Освобождение», которая провозгласила в своем «Манифесте»: «Всю нашу деятельность мы направим к тому, чтобы внести наибольший вклад в борьбу за свободу Родины».

Произведения писателей-патриотов, созданные в джунглях и отпечатанные в походных типографиях, — это летопись героизма южновьетнамского народа. Господствуют малые, оперативные жанры. О жизни литераторов Республики Южный Вьетнам рассказывает письмо, полученное поэтом из ДРВ Те Лан

Виеном от своего собрата по перу: «Только с прошлого года, когда расширились Освобожденные районы, у меня появилось достаточно керосина и бумаги, чтобы вечерами зажигать лампу и писать... Днем приходится то отправляться в рейд, то отбиваться от карателей, то прятаться от бомб, а то так нужно сажать кукурузу или маниоку, чтобы было что поесть. Вечерами, когда берешься за перо, чувствуешь себя совсем без сил. А иногда только напишешь какой-нибудь десяток строк, как наваливается приступ лихорадки».

Подведением итогов самоотверженного труда южновьетнамских писателей-патриотов явилось присуждение в 1966 году ряду литераторов премий имени замечательного поэта Нгуен Динь Тьеу (1822—1888), учрежденных ЦК Национального фронта освобождения.

Рассказ Фан Ты «Братья» интересен несколько парадоксальной, но типичной для Южного Вьетнама наших дней ситуацией. Воин Освободительной армии Кам в бою берет в плен своего родного брата Шыу, которого насильно мобилизовали в сайгонскую армию. Кам верит, что настанет день, когда они с Шыу «смогут сразиться рядом...». Писателя привлекает процесс духовного возрождения человека, приобщившегося к народной борьбе.

Та же тема раскрывается в рассказе Тхюи Тху «Крохотная сандалия». Вид потерянной детской сандалиии укрепляет в душе офицера марионеточной армии, участника облав и карательных экспедиций, давно зрелое решение: он переходит на сторону народа, уничтожив жестокого убийцу — командира своей роты. Примечательно, что рассказу свойственны черты автобиографичности.

С рассказами, очерками и романом «Священная пещера» выступил писатель Ань Дык. Советский журналист И. Щедров в репортаже из Освобожденных районов в 1965 году набросал его портрет: «Судьба Ань Дыка — это судьба многих. Он и сам о себе говорит так: «У меня самая обычная биография, такая же, как и у миллионов других...». Говорит он стремительно, короткими, острыми, как ножи, фразами. Ань Дыку сейчас 30 лет. А когда ему исполнилось тринадцать, он уже включился в борьбу на стороне патриотов в провинции Жатъя, в той самой, откуда начинается знаменитый партизанский край — Долина Тростников. В 1952 году в Освобожденном районе вышла небольшая книжка «Буря в морских просторах». В сборник вошло семь рассказов семнадцатилетнего писателя. Так вступил он в литературу. За годы войны Ань Дыку не раз приходилось менять работу. Его видели в строю бойцов с винтовкой за плечом, в редакции фронтовой газеты, в только что освобожденной деревне».

Героев Ань Дыка объединяет любовь к родине. В рассказе «Сын» коммунистку Лок бросают в тюрьму, истязают. Но через все ужасы застенка она стремится пронести верность партии. Она ждет ребенка. Рождение в тюремной камере новой жизни воспринимается как победа светлого начала. Исполнен гуманизма и другой рассказ Ань Дыка — «Дым» — история любви, которая родилась в сражениях, история девушки, потерявшей руку, спасая любимого. И еще одно характерно для рассказов Ань Дыка — его герой всегда среди людей, он никогда не чувствует себя одиноким; в этом — его сила.

Убедительность факта, притягательная сила реального события широко используется писателями-патриотами в произведениях документального характера. О непокорных людях, живущих на берегах Меконга, рассказывает в своей книге очерков «Ме-

конг вздымает волны» писатель Чан Хиеу Минь. Когда к деревенской целительнице Нам приходят больные за советом, она предупреждает: «Скверные люди пусть идут за лекарствами к врагам, мои травы им все равно не помогут».

Документальная автобиографическая повесть «Непреклонность» Нгуен Дык Тхуана — это вьетнамский «Репортаж с петлей на шее». Автор ее вспоминает, как он шел по сайгонскому зоопарку. Сиял мирный день, смеялся ребенок. Это была последняя человеческая улыбка, которую видел подпольщик: целых восемь лет предстояло ему провести лицом к лицу с озверелыми врагами. О мужественной борьбе патриотов в сайгонских застенках рассказывает эта книга.

Большим успехом пользуются одноактные пьесы драматурга Нгуен Ву. Герой его «Пламени», старый крестьянин, сжигает свой дом, чтобы предупредить подпольщиков о полицейской засаде. «Министерское кресло» — сценический памфлет, сатира на нравы, царящие в политических кругах Сайгона. Нгуен Ву принадлежит также многоактная пьеса «Песнь о рабочем парне».

Говоря о поэзии, нужно прежде всего упомянуть гражданскую лирику Зянг Нама и Тхань Хая. Светлый духовный мир патриотов открывает она перед

читателем. У Зянг Нама немало стихов-размышлений, которым свойственна эмоциональная напряженность:

*Когда я был маленьким мальчиком,
Я любил родную страну —
Буйволов, бабочек, птиц.
Я люблю сегодня родную страну —
Каждую горстку сожженной земли.*

Молодой поэт Тху Бон с успехом выступил в жанре поэмы, который процветал во вьетнамской классической литературе. Чтобы вдохнуть новую жизнь в этот жанр, поэт обратился к традициям фольклора малых народов вьетнамского Юга. В его поэме «Песнь птицы тѐ-рао» зазвенели песни южновьетнамских горцев. Их поет в тюрьме узник И Рин. Песня о родных краях заставляет солдат-горцев, завербованных в сайгонскую армию, бросить оружие и разойтись по своим селениям. Винового в этом певца ведут на казнь. Объятый пламенем костра И Рин поверяет свои песни птице тѐ-рао: пусть она несет их от одного селения к другому. Перу Тху Бона принадлежит еще одна поэма — «На вершине горы Тьыпонг» — о борьбе южновьетнамских горцев.

У патриотической литературы Южного Вьетнама большое будущее.

ПО ГОРОДАМ АЗИИ

Фасад Гонконга. На этом пароме можно в течение нескольких часов объехать одно из последних колониальных владений Англии.

Фото ТАСС

